

В.Г. Федотова, Л.Н. Федотов, О.Н. Китаева

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ НЕЛИНЕЙНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ*

Проблемой, на которую направлен анализ в данной статье, является нелинейная социокультурная динамика, присущая ряду современных процессов развития, в том числе модернизации и глобализации. Это — фундаментальная проблема социологии, ориентирующая на проведение комплексных теоретических исследований, которые бы описывали социальные трансформации сегодня. Речь идет прежде всего о тех новых подходах, которые отказываются от линейной трактовки общественного развития, принимают во внимание его сложность, наличие рисков и комплексность.

Ключевые слова: *нелинейность, сложность, неустойчивость, комплексность, хаос, порядок, риски, натуралистический эссенциализм, конструктивизм, капитал, социальный капитал.*

Keywords: *nonlinearity, complexity, instability, complexity, chaos, order, risks, naturalistic essentialism, constructivism, capital, social capital.*

Социальный проект и историческая случайность

Слово «проект» стало активно использоваться в философской литературе по проблемам модернизации преимущественно с 1980 г. Его употребил Ю. Хабермас в речи, произнесенной во Франкфурте-на-Майне при вручении ему премии Т. Адорно. Речь ученого, многократно опубликованная впоследствии по всему миру, называлась «Модерн — незавершенный проект». Приведем слова Хабермаса, сказанные по поводу проекта: «Проект модерна, сформулированный в XVIII в. философами Просвещения, состоит ведь в том, чтобы неуклонно развивать

---

* Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ № 12-06-00240-а «Концепции внеэкономического капитала как фактор повышения комплексности современной социокультурной динамики».

объективирующие науки, универалистские основы морали и права и автономное искусство с сохранением их своеобразной природы, но одновременно и в том, чтобы высвободить накопившиеся таким образом когнитивные потенциалы из их высших эзотерических форм и использовать их для практики, т. е. для разумной организации жизненных условий...» (Хабермас 1992: 40–52). Ясно, что в этом контексте слово «проект» означает не более чем желаемую программу. Это слово, столь любимое нашей философской молодежью, в большей мере отбрасывает вторую сторону — «своевольную природу» исторического процесса. Так, в весьма талантливом докладе М. Ремизова, сделанном на семинаре по интеллектуальным основам государственного управления в Москве, слово «проект» употребляется в более жестком смысле и не вполне уместно, если принять во внимание огромную российскую и зарубежную литературу, имеющую сложившийся консенсус относительно современности: *«Нет общего мнения по вопросу о том, в чем суть и порождающий принцип той взаимосвязи идей и институтов, которую мы называем “современность”»* (выделено нами. — Авт.). В рационализации, эмансипации, секуляризации или в чем-то еще? Но существует отправная точка для понимания современности и рассуждения о ней. Она состоит в том, что современное общество обречено на *проектный* способ существования». Правда, далее говорится нечто, более похожее на утверждение Хабермаса, не придающего слову «проект» жесткого значения: «Современность — не проект, но арена столкновения различных проектов или, точнее, программ, стратегий (не всем им присущи свойства конструктивной связности, предполагаемые понятием «проект») ответа на общий исходный вызов — распад социальной космологии “традиционного общества”»*.

Все более становится ясным, что вненаучные идеи могут пробить себе дорогу в обществе с не меньшей вероятностью, чем научно обоснованные, и что могут утверждаться такие представления, которые вообще не допускают научного обоснования.

Постепенно обнаруживается, что *понятие «объективная истина» сохраняет свое регулятивное значение (подобное категорическим императивам морали), но практически истинность (как и моральность) выявляется в контексте всех типов мышления и деятельности. Выявляется значение повседневности как граничного условия познания и практики, указывающего на опасные пределы деятельности за этой границей (повседневность может быть разрушена теоретическим притязанием на переделку жизни или насильственной бесчеловечной практикой)***. Как вера во

---

* Цитаты даны на основе записи В.Г. Федотовой.

** О повседневности см. подробнее (Козлова 1992; 1996).

всесилие науки, так и отказ от представлений об истине могут быть репрессивны по отношению к повседневной жизни. Мы можем безжалостно ломать ее, считая, что наука «учит» жить иначе. Но это можно делать и утверждая, что науке безразлично, какой вид повседневности будет реализован, и что «естественная» повседневность, выросшая из самой жизни, равноценна любым вариантам «искусственной».

Серьезные изменения в отношении науки, связанные с военными стратегиями (конверсия), религией (признание сферы религиозного опыта) и социализмом (политическая смерть научных концепций социализма) не могут не вызвать у ученых суеверного страха перед доказанной историей способностью превращать все человеческие намерения и усилия в нечто, отличное от задуманного. Размышляя о своей ответственности в этих условиях, ученый-обществовед оказывается в очень непростой ситуации. Ему уже не вменяется обществом в обязанность активно переделывать мир. Само знание, заявленное в качестве научного, — тоже риск. *Ученый не может избежать ситуации риска и во все не в силах гарантировать положительный социальный результат применения своих концепций.* Как показал всемирно известный экономист В. Леонтьев, *в неустойчивых системах задуманный проект может вызвать совершенно далекие от ожидаемых следствия; в устойчивых же системах разные проекты могут привести к близким следствиям.* По мнению Леонтьева, плюралистический характер знания состоит не в одновременном применении различных подходов, а в готовности переходить от одного из них к другому. Это необходимо из-за ограниченности любого типа объяснений. Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что вопреки классической эпистемологии истина в настоящее время может быть истолкована не как воспроизводство (слепок) объекта в знании, а как характеристика способа деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен плюрализм истин и, следовательно, исключается монополия на истину.

Задаваясь вопросом, произошло ли усложнение систем, новая методология, применяемая для ответа на него, связана с синергетикой. Слово «синергетика» значит — «совместная деятельность», «самоорганизованные системы». Методология делала свои шаги для того, чтобы погрузиться в глубь тех процессов, которые мы воспринимаем динамически. Говорят о «демоне Лапласа», который, будучи помещенным в процесс, мог сказать с абсолютной точностью, что было до и что будет после завершения этого процесса. Это был абсолютный детерминизм, который предполагал, что мир полностью детерминирован и может быть абсолютно познан.

На смену ему пришло представление о том, что определенность и неопределенность существуют одновременно друг с другом, что мир как

определен, так и не определен. И вот сегодня, когда речь идет о сложных системах, все больше возрастает значимость неопределенности, нестабильности и способности системы «свалиться» в новые состояния, в том числе, в состояние хаоса.

Произошло ли усложнение систем? Если привести слова Б. Паскаля или слова известного специалиста по молекулярной биологии, совершившего большие прорывы, которые приводит И. Пригожин, поражает ужас незнания, невозможность познать, невозможность предвидеть. Но все-таки можно разобраться в том, произошло ли усложнение, если отделить процессы, которые происходили в традиционных обществах как процессы естественной эволюции, от тех процессов, которые происходят в современном и в позднесовременном обществе как процессы, связанные с деятельностью человека и его проектной активностью.

Проекта модерна не было. Модерн явился следствием трех процессов: Ренессанса, Реформации и Просвещения, был органическим процессом, при котором сломалась старая траектория традиционного развития. Его инновационная направленность воплотилась во множество проектов, в сознательную постановку целей, в стремление к прогрессу. И капитализм, и модернизм стали развиваться как процессы, в которых человек реализовывал свои планы и проекты. На наш взгляд, сегодняшний этап, о котором мы говорим, может быть назван процессом усложнения по той причине, что обнаружен предел проектной деятельности. Сегодня не известно, какие следствия тех или иных проектов мы можем получить из-за неустойчивого характера сложных систем и их способности от малейшего возмущения перейти на новую траекторию изменений. Всем известен рассказ Р. Брэдбери о человеке, который выиграл выборы и получил за это награду — путешествие во времени. Он решает поехать туда, где существовали динозавры, идет определенными путями, и назад должен вернуться по ним, но он раздавил бабочку, и когда он вернулся, были изменены правила грамматики и атмосфера и результаты выборов были пересмотрены. В рассекреченных сегодня докладах американского разведывательного сообщества о прогнозах до 2020 и до 2025 гг. говорится: мы не можем сказать, что будет в 2020 и 2025 гг., но мы можем сказать, какие трудности нас ждут на пути к этому времени.

Порядок и хаос

Нелинейность, способствующая плюрализму, состоит в том, что траектория процесса может измениться, проходя при определенных условиях точки бифуркации. Сложными системами называются те, которые могут быть полностью изменены или даже разрушены небольшим возмущением, тогда как для разрушения простых систем требуются достаточные усилия. Сегодня в теориях хаоса подчеркивается не только

разрушительный характер хаоса, но и возможность поворота от хаоса к порядку. Изменение социальных теорий влияет на процесс социальных трансформаций, равно как изменения в обществе сказываются на становлении новых теоретических концепций.

Проблема нелинейности, непредсказуемости вела к теории хаоса. Интерес к проблеме хаоса появился под влиянием работы И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», вышедшей на Западе в 1979 г. (в переработанном виде в 1984 г.) и переведенной в России впервые в 1986 г. и также переиздававшейся (Пригожин, Стенгерс 2000). В этой книге, развивающей серьезные философские идеи, но написанной в основном на материале физики и химии (специальности бельгийского ученого И. Пригожина), хаос рассматривался как следствие динамической неустойчивости сложных систем. *Понятие сложности явилось центральным в теории хаоса. Новым же явилось давно забытое старое: хаос обладает не только разрушительной силой, но может стать источником порядка.* Это похоже на античный взгляд на хаос как нечто животворное.

Основанием для подобного вывода явилось то, что понятие закона, доставшееся в наследие от науки XVII в., *соответствует простым системам и присущей им динамике, периодичности процессов.* Закон всегда огрубляет процессы перехода. Детерминистское описание, согласно мнению авторов этой работы, неадекватно описанию *неустойчивых систем или периоду неустойчивости.* По существу, речь идет не столько об усложнении систем, *сколько о возрастании значимости и необходимости учета их сложности и неустойчивости, о смене методологии физических наук, которые начинают учитывать человекообразность систем* (В.С. Степин), нашу включенность во Вселенную, наше воздействие на предмет познания. Пригожин и Стенгерс указывают, что их идеи имеют значение и для исторических наук. Однако различия между естественнонаучным пониманием и социальными науками ими проанализированы не были. Следствием этого стали восторженные идеологизации хаоса адептами идеи рождения порядка из хаоса. Все не раз слышали на всевозможных семинарах о том, что хаос отныне не страшен, что из него обязательно родится порядок. Как водится, в России — в духе незнания середины — начала отрицаться разрушительная роль хаоса. Во многих трактовках увлеклись квазиприродностью общества и потеряли ту человекообразность, которая и делает системы сложными.

Так, социальный порядок 1990-х гг. многими воспринимался как животворный хаос. Одним из соавторов данной статьи (В.Г. Федотовой) он трактовался как *анархический порядок, обеспечивающий простую адаптацию и ведущий к убыванию сложности системы.* Тем самым проводились различия не только между порядком и хаосом, но и анархией

и хаосом, вводились типы предпорядков (анархический, апатический, формально-рациональный). Они соответствовали неустойчивости посткоммунистической социальной системы и ее стремлению повысить способность к адаптации за счет убывания сложности. Вместо демократии и рынка, провозглашенных ее сложной целью, преобладали цели адаптации в условиях аномии (деструкции и рассогласования ценностей), ведущие к анархии, включавшей в себя слабость центральной власти, отсутствие действенных институтов и распад коллективных представлений, а также русские проявления анархии — самопомощь и кооперацию (прямо по П. Кропоткину), бунт против чуждой интеллигентской культуры (прямо по М. Бакунину). *Отличие анархии от хаоса состояло в том, что она сама была рожденным из хаоса типом порядка, тогда как хаос сам по себе порядком никак быть не может.* Это подтверждается положениями немецкого ученого О. Хеффе об отличии тотальной неупорядоченности хаоса от частичной неупорядоченности анархии (Хеффе 1994: 122–128; 133–136). *Аномия сменяется, условно говоря, идеями стабильности и безопасности, которые нельзя еще признать ценностями, и это рождает апатию и то, что можно условно характеризовать как апатический порядок. Но далее возникает своего рода новая ценность, выраженная в требовании эффективности, что побуждало предсказывать формально-рациональный порядок, более регулятивный, чем конститутивный, основанный на требованиях стабильности и безопасности* (Федотова 2005: 98–143). Выстраивается, таким образом, более сложная, чем в природе, цепочка: хаос — анархия и другие типы предпорядков — порядок более стабильного типа.

Социальные теории также используют идею сложных систем, их неустойчивости и потенциальной нестабильности. Среди известных ученых на это обращают З. Бауман и Ю. Хабермас. Первый отмечает невозможность полной упорядоченности столь сложной системы, как общество. Хабермас говорит, что в простых системах действуют естественные добродетели, такие как симпатия, доброжелательность, сострадание. В сложных же системах нужны, по его мнению, искусственные добродетели, такие как справедливость (Там же).

Упование на хаос социальных процессов как источник креативного разнообразия не учитывает, что *из хаоса в обществе не всегда рождается порядок*, что порядок может родиться без нас, после нас и совсем не такой, какой мы хотим. Отсюда появляется идея *управляемого хаоса*, который сочетает неустойчивость и избирательную разрушительность с творением новых желательных процессов.

Среди сценариев развития целесообразно различать:

1. **Сценарии-образы**, в данном случае признание креативной силы хаоса, отмеченное выше.

2. **Сценарии-тренды**, улавливающие возможную тенденцию слома привычной линии процесса в точке бифуркации и переход на новый аттрактор, т. е. процесс с иными законами развития. Точкой бифуркации называют точку, в которой система теряет устойчивость по отношению к флуктуациям. Каскады бифуркаций могут привести к хаосу (Пригожин, Стенгерс 2000: 142). При этом квазиприродность концепции рождения порядка из хаоса не действует в обществе полностью из-за активной позиции субъекта. Основополагающим пунктом идеи рождения порядка из хаоса у Пригожина и Стенгерс выступает закон сохранения энергии в природе, который и создает воспроизводство нового порядка, новой системной устойчивости, обеспеченной фундаментальной инвариантностью, «которая (в силу закона сохранения энергии. — Авт.) кроется за всеми трансформациями, происходящими в природе» (Там же: 104). Следовательно, порядок в природе имеет фундаментальное значение и не является островком в море хаоса. Убывание энергии в одном месте и создаваемая этим неустойчивость вызовет прибавление энергии в другом месте и повышение устойчивости, т. е. новый порядок. В обществе же закон сохранения энергии не действует. Из этого следует, что хаос может занимать большее место и сдерживается усилиями людей. Вероятность хаоса в обществе очень высока и ответом на эту всегдашнюю угрозу является деятельность стремящегося к самосохранению человечества. Потому и здесь порядок прерывается очагами или потоками хаоса, а не наоборот. Сценарии-тренды могут выявить опасность нарастания хаоса, потери устойчивости социальной системой.

3. **Сценарии-проекты**. В основном они касаются преодоления локального хаоса и недопущения хаоса в масштабах локального общества или всего человечества, и в этом смысле, управления в условиях хаоса. Проблема преодоления хаоса возникает в случаях голода, эпидемии, пандемии, войн, террористических атак, революций, бунтов, природных катастроф, глобализации локальных несчастий, аварий на атомных электростанциях. Опасностей хаоса так много, что об использовании хаоса для достижения других целей можно говорить в явном виде, пожалуй, только террористам.

Изучение этих процессов веками обходилось без применения теории хаоса и синергетики. «Синергетика представляет собой современную теорию эволюции больших, сверхсложных, открытых, термодинамически неравновесных, нелинейных динамических систем, обладающих обратной связью и существующих квазистационарно лишь в условиях обмена веществом, энергией и информацией с внешней средой», — определяет синергетику редактор книги «Синергетическая парадигма» (Синергетическая парадигма 2002: 8). К таким системам относятся общество и культура. Совершенно понятно, что они изучались раньше

и без синергетики. Например, П. Сорокину принадлежит громадный том исследования влияния голода на человека, его психику, общественную структуру. Только рост этатизма против роста анархии масс и индивидуалистически-анархического общества, где нет ни норм, ни правил, ни морали, в условиях голода может гарантировать выживание большего числа людей (Сорокин 2005: 410–482). Понятно, что синергетика и теория хаоса могут дать иные методы анализа и, как пока представляется, главным образом — иной язык. Термин был предложен одним из основателей этого нового направления исследования Г. Хакеном, который искал греческое название совместной деятельности, общей энергии что-то сделать, самоорганизующихся систем, порождающих новые структуры (Синергетике 30 лет... 2000: 53–61).

Однако в последнее время речь все чаще идет об *«управляемом хаосе»*. А. Суриков пишет: «Киргизский всадник во дворце Акаева — нечто еще невиданное на постсоветском пространстве. На первый взгляд, перед нами живое творчество революционных масс. На самом деле, это и так, и, одновременно, далеко не так». Исследователь считает, что имеется модель управляемого, т. е. ограниченного, доведенного до определенных степеней и не более, хаоса, которую США использовали против СССР, СНГ, Китая, применили для развала коммунизма (Суриков 2005).

Другой автор, В.П. Семенко, считает, что концепция *«управляемого хаоса»* была применена Западом на основе методик М. Гельмана и особенно С. Манна, который нашел средства создания такого хаоса для незападных стран: содействие либеральной демократии; поддержка рыночных реформ; повышение жизненных стандартов населения, особенно у элиты; вытеснение ценностей и идеологий (Семенко 2006). Автор этой статьи полагает, что доктрина *«управляемого хаоса»* — главный элемент глобализма, выстраивающий из хаоса точку начала нового аттрактора неравновесного порядка.

Т. Полянников и Г. Прокопов подтверждают роль С. Манна в экспорте революций: Стивен Манн работал в Москве и в отделе по вопросам Советского Союза при Госдепартаменте в Вашингтоне. Он работал в Операционном Центре Госдепартаamenta (круглосуточно функционирующем кризисном центре), а также с 1991 по 1992 гг. — в офисе секретаря по обороне, который занимался вопросами России и Восточной Европы (Полянников, Прокопов 2005а).

Для нашего обсуждения существенно, что по результатам обучения в Национальном военном колледже Стивен Манн подготовил статью, получившую большой резонанс в военно-политическом сообществе США. Статья, называвшаяся *«Теория хаоса и стратегическая мысль»*, была напечатана в главном профессиональном журнале армии США (Mann 1992, цит. по: Полянников, Прокопов 2005б).

Хотя такие широкомасштабные технологии, как управляемый хаос, абстрактно возможны, на наш взгляд, их применение противоречит концепции сложности, и люди, которые обвиняются в управляемом хаосе, как специалисты понимают это. *Простая система может устоять даже при сильном возмущении, сложная система может оказаться в состоянии хаоса даже при слабом возмущении, и при этом уверенность в управлении хаосом полностью отсутствует. Невозможно дозировать хаос. На примере революций известно, что никому не удалось остановить их каток.* Концепция критичности выросла из представления о критическом возмущении: одна песчинка — не буря, две песчинки не буря. А с какой-то песчинки начнется песчаная буря. *Кроме того, претензии США на мировое лидерство объясняются тем, что единственная сверхдержава берет на себя бремя противостояния мировому хаосу или, как говорил Дж. Най, “bound to lead”, вынуждена быть лидером, — при этом, как мы видим, создавая вокруг себя дополнительный хаос (Ирак).*

Но возьмем цитату Манна из самой знаменитой его работы, статьи «Теория хаоса и стратегическая мысль» в военном журнале «Parameters» за 1992 г. Он пишет, используя еще один термин, характеризующий неустойчивость системы: «...критичность описывает динамический процесс, ненадежно стабильный, который даже сейчас содержит в себе целый ряд будущих катастрофических преобразований... Самоорганизованная критичность, напротив, дает нам увидеть огромное множество акторов критического состояния, которые с неизбежностью придут к какой-либо одной форме приходящей мимолетной стабильности после катастрофического изменения порядка» (Mann 1992: 62, цит. по: Nitzschke 1997). В качестве примера приводится крушение СССР после катастрофического преобразования социалистического порядка.

В статье «Реакция на хаос» Манн также обсуждает самоорганизованную критичность и подчеркивает опасность небольшого возмущения для сложной системы. В международных отношениях, по его мнению, нет порядка (на наш взгляд, есть анархический порядок). Ностальгия по биполярному порядку невозможна. Сейчас новый мировой порядок, и политическую среду характеризует модель самоорганизованной критичности. Самоорганизованная критичность — не метафора, а реальность. «Идея хаоса и критическое оперирование ею на социальной арене становится все более приемлемыми... Факт, что мы видим мир подверженным критичности, не говорит о том, как использовать этот факт». Его рецепт: «Мы должны быть открыты путям ускорения и эксплуатации критичности, если это служит нашим национальным интересам, например, разрушая иракскую военную машину и государство Саддама» (Mann 1997). Ирак представлялся ему более простой системой, чем СССР, где можно рискнуть в попытке применения доктрины управляе-

мого хаоса. Вместе с тем управляемый хаос для развала СССР как сложной системы невозможен. Это признает и Манн, хотя он выдвигает национальный интерес своей страны в качестве приоритета перед международными целями. Он показывает, что XX в. несколько раз демонстрировал критические возмущения больших систем, к которым относится и распад СССР. И его нелюбовь к СССР очевидна: «Мы уже запустили ряд политик, которые ускоряют хаос, понимаем мы или нет: продвижение демократии, требование рыночных реформ и распространение массовых коммуникаций через частный сектор. Критичность говорит нам, что всякая стабильность в критической среде является метастабильностью. Одно из последствий этого утверждения, что мы не можем принимать продолжающуюся стабильность США как величину постоянную... Это честь для нас — победа над хаотической природой посредством искусства дипломатии, войны, но предпосылкой является наша способность видеть мир таким, какой он есть, а не таким, каким бы мог быть» (Ibid: 56). Считая цепные реакции любого размера частью интегральной динамики, Манн отмечает, что механизм, который вызывает небольшие изменения, аналогичен механизму больших изменений. Сложные системы не достигают равновесия, а переходят из одного метастабильного состояния к другому. Поведение международных акторов — пример хаотического взаимодействия. Манн считает неверным ответ М.С. Горбачева о стремлении к динамизму как цели его правления. Он считает, что так нельзя отвечать. Сначала президент Буш сказал, что Советский Союз не может распаться, не выполнив полностью свои обязательства. Потом США осознали выгоду для себя распада СССР, но первоначальные стремления были направлены на поддержание порядка и интенции к стабильности.

М. Гельман в статье «Простое и сложное» отмечает важность устойчивого развития. Оно для него не сводится к окружающей среде, экономике и демографии, а также к политике, военному делу, дипломатическим, институциональным вопросам, а зависит от идеологических вопросов и выбора жизненного стиля. Он более осторожен в одобрении любого пути осуществления национальных интересов и считает, что необходима глобальная политика для обеспечения более надежного будущего. Таким образом, как мы и предполагали, технология организации хаоса не проповедуется ни Манном, который все же явный «неоконсерватор», ни Гельманом, по крайней мере в рассмотренных текстах, из-за опасения глобального хаоса.

Но методика раскрыта и отчасти применена на оранжевых революциях. Следует только помнить, что без внутреннего недовольства властью, без депривации населения, его игнорирования она не может сработать, хотя и может быть использована для частных целей. Напри-

мер, для провозглашения чрезвычайного положения в целях удержания власти, что опасно и грозит победой хаоса над любыми целями. Так что сценарий-проект управляемого хаоса может локально применяться, но последствия его применения могут быть ужасающими. Риск настолько велик, что нет цены, ради которой стоит играть с огнем. И теория хаоса — реальный источник проектов, часто опасных переходом к хаосу, особенно в отношении социальных процессов. Русский физик С. Полищук спросил одного из основателей синергетики и автора этого термина Г. Хакена: «Что такое социальная энтропия?», тот ему ответил: «Я не знаю». Никто не знает пределов социальной энтропии, доходит ли общество до состояния хаоса, и никогда нет уверенности, что из хаоса может родиться порядок. А очень часто он может не возникнуть или стать не таким, какой мы хотели бы получить, или родиться без нас, или родиться после нас.

В обществе ситуация более сложная, и можно сказать, что если природа преодолевает энтропию рождением порядка из хаоса, то в обществе есть тенденция к хаосу, которая преодолевается существующими порядками с участием человека.

Сама сложность систем есть следствие их возросшей человекоразмерности. Технические, военные, социальные системы, система познания, где субъект включается в процесс познания, требуют серьезной перестройки методологии, прежде всего связанной с тем, чтобы не считать предсказуемость всегда осуществимой, рассчитывать на идеальные состояния, полагать, что моральную ответственность можно обойти. В этике даже возникает проблема ответственности за непредвиденные негативные результаты деятельности.

Возвращение природного, объекта, вещи в социальные науки

Мысль о человекоразмерности природных систем сегодня дополняется мыслью о природности, объектности, вещности социального мира. Если первая идея оттачивалась на примере нелинейной социокультурной динамики В. Степиным, изучалась Штарнбергской группой, пришедшей к мысли о социальной природе любой науки, в том числе и естественной, то сегодня появилась тенденция связать общество с экологической средой (природой), объектами и вещами — такими, как технические средства, произведенный человеком мир вещей и нематериальных объектов — науки, искусства и пр. Известный социолог Б. Латур ставит вопрос о проблематизации вещности социального мира, о невозможности рассматривать отношения людей вне их связи с отношениями вещей. Он считает, что материальные отношения становятся предметом социального анализа, не утрачивая своей объектности и возможности для проектирования. К. Кнорр Цетина полагает, что объекты

восстанавливают социальность в постсоциальном мире (Латур 2006; Кнорр-Цетина 2006). Она пишет, что своей статьей открывает анализ объект-центричной социальности как социальной формы, противостоящей индивидуализации.

Большой вклад в этот поворот внес английский социолог Дж. Урри. Он тоже подчеркивает объектность социального знания и даже цитирует Дж. Рифкина, по мнению которого новая физика с ее парадигмой стационарности, устойчивости, регулярности «сделала» капитализм. И действительно, Адам Смит был ньютоновец, а парадигма, заложенная Ньютоном, действовала и в социальных науках, и в социальном мире. В системах же XX в. Урри находит одновременно существующее физическое, экономическое, техническое, политическое и социальное. Главным в обществе, по его мнению, становится мобильность. Физический и социальный мир полон изменений, не приводящих к балансу. Системы являются открытыми, способными не только к организации, но и дезорганизации (Urry 2003).

Другие признаки объектности могут быть обнаружены в ином статусе природы, техники, социальных структур в сегодняшних обществах. Кнорр Цетина относит сюда привязанность к рынку. Мы бы отнесли экономический и внеэкономический капитал (человеческий, социальный, культурный, интеллектуальный, символический и, как предложено одним из соавторов этой статьи — экологический (Федотов 2006: 231)).

Объектность проявляется в новых видах технологического детерминизма. Во многих статьях в качестве причин изменений человека и общества указывается последовательность технологических циклов — изменения от века пара и индустриализации к открытию и применению электричества, информации (сетевые общества), к био-нано циклу с неведомыми изменениями в будущем, к изменениям пространственно-временных структур. С другой стороны, уже встает вопрос, поднятый, например В. Лепским, о необходимости предшествования новым научно-техническим революциям гуманитарных революций, препятствующих переходу в постчеловеческий мир (Лепский 2009; 2010; Междисциплинарные проблемы... 2011; Рефлексивные процессы... 2011 и др.). Однако эти предупреждения мало значат в сравнении с новым стремлением к объекцентризму в познании социального.

Наметилось, как считает Урри, появление новой парадигмы, которая включает в себя нематематические исчисления, теорию хаоса, объектцентричность и комплексность. Эта парадигма объединяет все нелинейные сложные эффекты, турбулентность, двойственность процессов, к числу которых относится глобализация с ее разделенностью и связью

глобального и локального, модернизация с сочетанием в ней универсального и уникального.

Комплексность и рождение новой парадигмы

Решающее место здесь занимает идея комплексности и совсем не в смысле укомплектованности, завершенности, а в присущем этой парадигме ином смысле. Для Б. Латура комплексность — предпосылка сложности, одновременное присутствие разных взаимодействий. Процесс идет как переход от комплексной социальности, еще достаточно устойчивой, к сложной социальности, способной к трансформации по нелинейному и непредсказуемому сценарию. Согласно Урри, комплексность — это характеристика диверсификации системы, ее историчности, ее пополняемости новыми элементами. По его мнению, происходит поворот к комплексности. Нельзя, например, говорить о глобализации без понимания ее комплексности. Глобальная капиталистическая система состоит из комплекса систем, комплексность и глобальность — это пара. Комплексность подчеркивает антиномичное, диспропорциональное взаимодействие, например, в пространственно-временном содержании глобализации, характеризующем диспропорциональные отношения между прошлым и будущим, наряду с их неразрывностью (Urry 2003: X). «Комплексность теории, — пишет Урри, — создает новую парадигму социальных наук, которая может быть распространена на физические и биологические науки» (Ibid: 10). Причина того — творческая, а не механическая сущность природы, то, что комплексность присуща как социальному, так и природному миру. Комплексность, — считает Урри, — имеет возможность стабилизировать процесс, пройти этапы турбулентности. Она объединяет дуальности, к которым, помимо отмеченных черт глобализации и модернизации, можно отнести хаос и порядок. Она вмещает весь пестрый мир вещей — автомобили, медиа, информационные системы, деньги, Интернет, изменение климата, океаны, заботу о здоровье, капитал, социальный протест и т. д. (Ibid: 14).

Внеэкономический капитал как фактор увеличения комплексности исследования модернизационных и глобализационных процессов

Не вызывает сомнения, что поворот к объектности происходит и путем формирования все новых понятий, отнесенных к человеку, обществу, культуре, ценностям, природе, которые нашли свое место в системе комплексности, ограничивающей турбулентность. Неолиберальные концепции, популярные в 90-е гг. XX в. во всем мире, рассматривали в качестве центрального экономического процесс. Общество представ-

лялось организацией граждан вокруг рынка и демократии. При этом на первое место ставился рынок как символ экономической свободы, а демократия по существу признавалась в качестве средства, обеспечивающего рыночные свободы. Множество других проблем — кризис идентичности, потеря квалификации, маргинализация молодежи, вопросы культуры и образования, работа СМИ, региональные проблемы — трактовались как зависимые от развитости рынка и не имеющие самостоятельного значения.

Свойства экономического капитала, которые могли бы позволить применить это понятие в отношении общества, человека, культуры, объективируя их, включают ограниченный хозяйственный ресурс, который может накапливаться. Это ресурс, превращаемый в денежную форму; стоимость, приносящая новую, добавочную стоимость. Если экономический капитал включает в себя денежный, производственный и товарный капиталы, то человеческий капитал включает знания, умения, навыки человека, полученные посредством образования, которые являются источником дохода человека в будущем.

Культурный капитал дан в результате воспитания в семье и других первичных социальных группах, а также пройденной социализации. Социальный капитал является ресурсом, который характеризует общество как систему многообразных отношений индивидов и форм их деятельности. В. Радаев пишет: «...экономический капитал по праву занимает центральное место... Тем не менее... при сведении всей совокупности ресурсов к экономическому капиталу понимание хозяйственного процесса становится невозможным» (Радаев 2002: 29), ибо не соблюдается необходимая комплексность исследования. Понятия о внеэкономическом капитале введены с целью отказа от экономоцентризма. Термин «капитал» в отношении человека, культуры, общества содержат все признаки капитала, присущие экономическому. В результате под внеэкономическим капиталом, опираясь на определение экономического капитала Радаевым, можно понимать накапливаемый ценностный и институциональный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания ценностей, общественных связей, доверия, развития человека и культуры путем взаимной конвертации своих разнообразных форм, включая экономическую, но отводя ей определенное место, подчиненное другим формам капитала.

Среди типов внеэкономического капитала социальный капитал является центральным, показывающим значимость общества и сообществ для экономики, политики, образования, духовной сферы. Социальный капитал состоит из норм и социальных отношений, которые входят в социальную структуру общества и дают возможность координировать действия людей для достижения желаемых целей. По мнению ряда ис-

следователей, социальный капитал — интегральная характеристика, включающая в себя материальные ресурсы (земля, дома, деньги) и символические ресурсы: образование, членство в организациях, почетные знаки, титулы дворянства, фамильное имя, репутацию или известность. Все эти ресурсы принадлежат сети людей или ассоциаций. Но такая универсализация понятия «социальный капитал» уступила место более специализированным трактовкам внеэкономического капитала путем введения новых понятий — натурального, человеческого, культурного и символического капиталов.

Основополагающая идея концепции социального капитала заключается в том, что социальные сети создают основу для социальных связей, т. к. в них люди могут кооперироваться друг с другом для достижения взаимной помощи, успехов и выгод. Исследователь проблемы М. Вулкок в статье «Социальный капитал. Значение понятия» показал, что «семья, друзья, ассоциации составляют вместе одно ценное качество — могут выстоять вместе в кризисе и достигнуть материальных ценностей, — сделать это для остальных людей. Такие сообщества составляют основной фонд социальных связей и цивилизованных ассоциаций. Они могут противостоять конфронтационному обществу и уязвимости» (Woolcock 2000: 22). Партнерство для Вулкока выступает ресурсом социального капитала, т. к. его формирование — это процесс, который вовлекает различных «игроков» из разных секторов общества в единое целое для достижения общей цели.

Для американского ученого Дж. Коулмена социальный капитал включает те аспекты социальной структуры, которые облегчают действия индивидов внутри группы (Field 2003: 2). «В терминах социального капитала я мыслю будущее социальной жизни — сети, нормы и доверие, дающие возможность участникам совместно действовать более эффективно для достижения целей долевого участия», — писал социолог Р. Патнэм (Ibid: 32). Изучая региональное управление в Италии, он пришел к выводу, что северная Италия развита лучше, чем южная, потому, что в ней более развит социальный капитал. Социальный капитал достигается долгими социальными связями, в которых люди помогают друг другу, основываясь на взаимном доверии и нормах взаимодействия. По Патнэму, социальный капитал возникает в сообществах с сильными моральными ресурсами. Патнэм представил две формы социального капитала — включающий и исключаящий. Включающий способен группировать людей из различных социальных сфер, исключаящий — усиливает исключаящее единство и поддерживает однородность.

Ф. Фукуяма определяет социальный капитал как «свод неформальных правил или норм, разделяемых членами группы и позволяющих им

взаимодействовать друг с другом. Нормы, создающие социальный капитал, напротив, должны включать в себя такие добродетели, как правдивость, обязательность, взаимность» (Фукуяма 2002: 129).

Социальный капитал неразрывно связан с человеческим капиталом. Понятие «человеческий капитал» используется в экономических дисциплинах с 1960-х гг. и означает в целом оценку готовности человеческих ресурсов к росту экономики общества. Человеческий капитал измеряется наличием у людей образования, жизненного опыта и возможности повышать свою квалификацию. Образование не является немедленно потребляемым, а представляет собой это капиталовложение в будущее. Прибыль от образования поступит не сразу, а через несколько лет. Человеческий капитал должен постоянно обновляться и расширяться для того, чтобы соответствовать современным требованиям. Исследователи человеческого капитала показали зависимость: чем человек образованнее, тем у него больше шансов, используя это ценное качество, занять лучшие рабочие места и получить достойное вознаграждение.

Комплексность понимания привела к новому понятию «культурный капитал», который характеризует культуру общества, воспроизводство культурных образцов, вклад отдельного социума в мировую культуру. Используется также понятие «символический капитал», который представляет собой подсистему культурного капитала и характеризует способность людей к восприятию символического содержания культуры. Это понятие введено французским социологом П. Бурдьё. Символический капитал означает способность человека к владению символами своей культуры, адекватное выражение культуры общества в отдельном человеке. Культура предстает как важный фактор управления в системах, в которые включен человек (например, в систему образования).

Все вышеназванные понятия о внеэкономическом капитале имеют большое методологическое значение для того, чтобы после засилья экономоцентризма вернуть в общество и социальную теорию социальное, человеческое, культурное, представленное в своих объектных формах. Все виды внеэкономического капитала и особенно социальный капитал имеют большое значение для управления обществом. XXI в. характеризуют как революцию информатизации, которая проявляется в снижении доли материальных затрат и увеличении затрат на приобретение и получение знаний и информации в общей стоимости продукции и услуг. В некоторых случаях причиной и источниками кризисов выступает человеческий капитал, т. е. высокая квалификация, способности специалистов к новым открытиям, не согласованные с социальными целями общества.

Понятия о внеэкономическом капитале были привлечены нами, чтобы усилить комплексность исследования в новой парадигме и препятствовать турбулентности и хаосу. Как и все понятия в этой парадигме, он амбивалентны, имеют свои положительные и отрицательные стороны, сложные взаимосвязи, на которых мы здесь не могли остановиться.

Литература

Кнорр-Цетина К. Социальность и объектность. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей. Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 267–306.

Козлова Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3.

Козлова Н. Горизонты повседневности: голоса из хора. М.: ИФРАН, 1996.

Латур Б. Об интеробъективности // Социология вещей. Сб. статей. Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 169–198.

Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М: Когито-Центр, 2009.

Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.

Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2011.

Полянников Т.Л., Прокопов Г.В. Синдром цветных революций. // Свободная мысль — XXI. 2005а. № 6. С. 148–160.

Полянников Т., Прокопов Г. «Бархатный сезон». Технология и геостратегия «новых революций» // Кто есть кто. 2005б. № 3.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Радаев В.В. Понятие капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4.

Рефлексивные процессы и управление. 2011. Январь — декабрь.

Семенко В. Перед лицом управляемого хаоса // Золотой лев. 2006. № 77–78.

Синергетике 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном. Проведено Е.Н. Князевой // Вопросы философии. 2000. №3. С. 53–61.

Синергетическая парадигма. М.: Прогресс-традиция, 2002.

Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia. 2005.

Суриков А. «Управляемый хаос» // Завтра. 2005. № 13. [<http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/05/593/43/html>]

Федотов Л.Н. Внеэкономический капитал и его роль в понимании общества // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2.

Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.

Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической теории права и государства. М.: Гносиз, 1994.

Социальная теория

Field J. Social capital. L., N. Y. 2003.

Mann S. The Reaction to Chaos // Complexity, global Politics, and National security / Ed. by D.S. Alberts, T.J. Czerwinski. Washington: National Defense University, 1997. [http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Complexity_Global.pdf]

Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). 1992. Vol. XXII. Autumn. Pp. 54–68.

Nitzschke S. G. Vietnam: A Complex Adaptive Perspective, 1997. [<http://www.globalsecurity.org/military/library/report/1997/Nitzschke.htm>]

Urry J. Global Complexity. L.: Polity Press, 2003.

Woolcock M. Social Capital: the State of Notion // Social Capital: Global and Local Perspectives. Helsinki, 2000.